

вомъ. Личность дѣйствительно занимаетъ центральное положеніе, ибо, по мнѣнію Л. П. Карсавина, съ которымъ мы вполне согласны, «для христіанства личность (Ипостась) не есть что-то тварное и человѣческое, но — начало Божественное и само Божество. Личность или Ипостась Иисуса Христа не есть Его человѣческая личность, но — Второе Лицо Пресвятой Троицы» (стр. 6).

Этимъ самымъ понятіе личности дѣлается посредствующимъ, связующимъ звеномъ между церковью — симфонической личностью Тѣла Христова, и государствомъ, которое, состоя изъ эмпирическаго грѣховнаго коллектива, является только «матеріаломъ» для Церкви, въ мѣру своего единенія со Христомъ и во Христѣ, свободно становящимся Церковью такъ что «развивается» собственно не Церковь, а церковный матеріалъ. Церковь такимъ образомъ является какъ бы послѣднею идеальною цѣлью государства, отъ которой его отдѣляетъ эмпирическая грѣховность. Изъ этого построенія естественно вытекаетъ и соответствующее отношеніе къ войнѣ и смертной казни, какъ къ естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіямъ этой грѣховности и именно въ силу ея. Государство, оставаясь только собою, безъ грѣха обойтись не можетъ, а, если бездѣйствуетъ, то впадаетъ въ худшій грѣхъ самоубійства. Оно не можетъ не ловить и не наказывать преступниковъ, не можетъ не обороняться, когда на него нападаютъ, не можетъ пренебречь заботою о своихъ границахъ» (стр. 12). «Однако это не абсолютная необходимость... это «злая необходимость грѣшнаго бытія» (стр. 12). Необходимость эта преодолевается «лишь въ томъ случаѣ, если государство возвышается надъ своимъ эмпирическимъ бытіемъ, что вовсе не дѣлается путемъ «прекрасныхъ словъ» и отнюдь не совпадаетъ съ умываніемъ рукъ въ видѣ проповѣди всеобщаго «непротивленія злу силою» (стр. 13). Но еще большимъ зломъ, чѣмъ это «прекраснодушіе», являются тѣ чудовищные результаты, къ которымъ приходятъ «философствующіе кощунны», когда они «смѣшиваютъ эмпирическую грѣховную необходимость съ абсолютной необходимостью и даже съ волею Божіею» (стр. 14). и считаютъ напр. смертную казнь выраженіемъ этой воли.

Если довести до естественнаго завершенія богатую и подлинно благочестивую мысль Л. П. Карсавина, то придется признать, что, какъ преступникъ терзающій жертву,

такъ и палачъ, терзающій преступника, — оба являются въ одинаковой степени выраженіемъ зла, терзаніемъ и пригвожденіемъ тѣла Христова, надругательствомъ надъ Его Божественной Личностью, полнымъ расцерковленіемъ и ниспаденіемъ въ злую, матеріалистическую духовность — хотя бы это и дѣлалось во имя какой-нибудь «идеалистической» системы. Ибо государство, какъ область срединная, имѣетъ два предѣла: верхній — Церковь, — свѣтлый положительный идеалъ; и нижній — темная бездна «звѣря», царство котораго «мрачно», а обигатели «кусаютъ языки свои отъ страданія». (Откр. 16, 10).

Въ нашей волѣ избрать тотъ или другой предѣлъ. Это всегда надо помнить, особенно въ наше время, когда, исходя отъ жалкихъ, бѣлыми нитками шитыхъ, софизмовъ пытаются утверждать царство одного звѣря противъ царства другого, и забываютъ что это лишь разныя головы одного и того же выходца изъ преисподней.

В. Н. Ильинъ.

Fr. W. Foerster. Religion und character bildung. — Rotapfel—Verlag. Zurich und Leipzig. 1925. 464 стр.

Извѣстный педагогъ Ф. В. Ферстеръ, авторъ превосходной книги «Школа и характеръ», имѣющей въ русскомъ переводѣ, издалъ недавно новый свой трудъ «Religion und Charakterbildung». Въ этой книгѣ онъ задается цѣлью показать, что воспитаніе цѣльнаго возвышеннаго характера можетъ быть осуществлено не иначе, какъ на религіозной основѣ, и именно на основѣ христіанской религіи. Книга замѣчательна особенно потому, что авторъ ея, по собственнымъ его словамъ, былъ раньше «свободомыслящимъ», находился внѣ религіи и принадлежалъ къ числу людей, которые считаютъ необходимымъ отдѣленіе школы отъ религіи и проповѣдуютъ мораль, независимую отъ религіи. Повидимому, Ферстеръ прошелъ черезъ тотъ духовный опытъ, который такъ знакомъ современной русской интеллигенціи, который заставилъ многихъ представителей ея покинуть «научное» безрелигіозное міровоззрѣніе и сознательное вернуться къ Церкви.

Свою книгу Ферстеръ написалъ, опираясь не только на отвлеченныя соображенія, но и на богатый педагогическій опытъ, свой личный, а также французскихъ, англ.,

лійскихъ и американскихъ педагоговъ, напр. J. Delvoive (Rationalisme et tradition, Paris, Alcan), M. Dehégme, P. Bureau (La crise morale des temps nouveaux, Paris, Bloud et Co), Stanley Hall и др.

Проповѣдниками безрелигіозной морали (morale laïque), говоритъ онъ, могутъ быть только кабинетные люди, не знающіе практически, какъ трудно преодолевать темныя глубины души человѣка въ его состояніи паденія и удаленія отъ Бога. Кто знаетъ демонизмъ ненависти или извращенное служеніе центральныя силы личности и ерифеорическимъ потребностямъ и раздраженіямъ ея, тотъ понимаетъ, что здѣсь не поможетъ слабосильная проповѣдь социальнай солидарности.

Чтобы найти мотивы, толкающіе на тяжелую борьбу съ центробѣжными силами въ себѣ и во внѣшнемъ мірѣ, чтобы взять на себя трудъ преодоленія міра, необходимо вдохновеніе, возбуждаемое безмѣрно высокимъ идеаломъ, и этотъ идеалъ можетъ дать только религія съ ея проповѣдью Царства Божія. Силы для движенія къ такому идеалу могутъ найтись только у человѣка, обладающаго цѣльнымъ характеромъ. Но именно христіанское міровоззрѣніе и даетъ всѣ средства для воспитанія цѣльнаго характера: всѣ знанія оно сочетаетъ въ единую систему, всесторонне освѣщающую возвышенныя черты движенія къ идеалу Царства Божія и губительныя слѣдствія отклоненія отъ него; всѣ чувства и устремленія воли оно гармонически объединяетъ посредствомъ этого идеала.

Человѣкъ, достигшій уже нѣкоторой высоты въ борьбѣ съ чувственными соблазнами и воспитавшій въ себѣ нѣкоторую ступень духовности, здѣсь то именно и подвергается наиболѣе страшнѣйшей опасности — соблазну самопревознесенія, гордыни, культа своего я. Именно христіанское міровоззрѣніе и мірочувствіе даетъ средства для предотвращенія этой опасности: христіанскій идеалъ такъ возвышенъ, что одними своими личными силами человѣкъ явно не можетъ осуществить его; всѣмъ своимъ существомъ осознавъ это, христіанинъ научается смиренію и жаждетъ искупленія отъ своей жалкой самости, понимая, что подняться отъ природной воли къ волѣ духовной онъ можетъ только путемъ метафизическаго перерожденія, требующаго сочетанія личныхъ усилій съ благодатною помощью свыше (стр. 187, 198, 222). Этотъ переносъ силы свыше до-

стигается обращеніемъ къ Христу, который далъ наглядный примѣръ высшей ступени преодоленія міра. Такая религіозная мораль не гетерономна: преодолевая свою природную волю и воспитывая волю духовную, человѣкъ достигаетъ подлиннаго личнаго духовнаго освобожденія и открываетъ, что Богъ «est plus intérieur à nous mêmes, que nous mêmes» (250). Особенно цѣнно то, что христіанская мораль гармонизуетъ душу, восстанавливаетъ ея цѣлость и здоровье, не копясь въ подсознательномъ, какъ это дѣлаетъ современный психо-анализъ, а освобождая душу отъ переоцѣнки внѣшнихъ условій, отъ притязаній честолюбія и другихъ страстей, отъ уколовъ жизни (305 сс.).

Затрагивая вопросъ объ истинности христіанства, Ферстеръ рѣшительно возстаетъ противъ мысли, будто можно использовать христіанское міровоззрѣніе, какъ воспитательное средство, считая его ученія лишь символами этическихъ истинъ и отвергая метафизическое содержаніе ихъ. Раньше разсматриваемой здѣсь книги онъ написалъ сочиненіе «Christus und das menschliche Leben», въ которомъ обосновываетъ свое убѣжденіе въ «объективной истинности» ученія христіанской вѣры. Противъ теорій, низводящихъ жизнь Іисуса Христа на степень мифа, онъ остроумно возражаетъ: въ такомъ случаѣ, «тотъ, кто избрѣлъ этотъ мифъ, есть Богочеловѣкъ, такъ какъ всѣ его слова несомнѣнно носятъ на себѣ печать Того, Кто преодолѣлъ міръ и на всѣ времена установилъ истину, смыслъ и падежду нашей жизни» (329). «Повѣрьте мнѣ», сказалъ однажды Наполеонъ, «я знаю людей; Христосъ не былъ только человѣкомъ».

Переходя къ вопросу о практическомъ осуществленіи воспитанія, основаннаго на христіанскомъ міропониманіи, Ферстеръ ограничивается лишь нѣсколькими отрывочными соображеніями и обѣщаетъ разработать этотъ вопросъ въ своихъ дамынѣйшихъ трудахъ.

Заканчивая свою книгу, написанную по нѣмецки и возникшую на основѣ нѣмецкой культуры, Ферстеръ, человѣкъ большой духовной смѣлости, какъ это засвидѣтельствовано всѣмъ его прошлымъ, осуждаетъ тѣхъ современниковъ, которые, подобно Сауду, обратившемуся къ сомнительнымъ чарамъ Аэндорской волшебницы, прибѣгаютъ къ Гете, или къ Ницше, или къ Бисмарку только, чтобы избѣжать необходимости повиноваться Господу Богу (405).

Н. Лосекіи.